

ДЖЕРАЛЬД ДИРКС, СВЯЩЕННИК ОБЪЕДИНЕННОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, США (ЧАСТЬ 2 ИЗ 4)

Оценка: 2.4

Описание: Детство и молодость выпускника Гарварда, автора книги «Крест и Полумесяц». Информация, полученная в Гарвардской школе богословия, привела к разочарованию в христианстве. Часть 2: отсутствие религиозности, знакомство и общение с мусульманами, вопросы самому себе и ответ.

Категория:

[Статьи](#) [Истории о новых мусульманах](#) [Священники и религиозные деятели](#)

Авторство:: Джеральд Диркс

Опубликовано: 08 Sep 2008

Последние изменения: 18 May 2012

С прошествием лет меня все более охватывала тревога за увядающую религиозность в американском обществе в целом. Сейчас я говорю о той живой религиозности, духовности в сердце человека, а не о той, что выражается в обрядах, ритуалах, системе убеждений какой-то организации, например, Церкви. Американское общество постепенно лишается своего нравственного и духовного компаса. Два из трех браков распадаются, жестокость уже неизменно присутствует в наших школах, на улицах; ответственность людей сходит на «нет»; моралью самодисциплины стало: «если нравится, делай!»; различные христианские лидеры окутаны сексуальными и финансовыми скандалами; эмоции оправдывают поступки, какими бы мерзкими они ни были. Американская культура превращалась в нравственно обанкроченный институт. В своих религиозных тревогах я чувствовал себя одиноким.

На этом этапе жизни я стал общаться с местными мусульманами. Несколькоими годами ранее мы с женой стали изучать историю арабских лошадей. По ходу исследований нам пришлось делать переводы арабских документов. Стремление не исказить текст привели нас к американцам арабского происхождения, которые оказались

мусульманами. Первым был Джамал, с ним мы познакомились летом 1991-го.

После предварительного телефонного звонка, Джамал пришел в наш дом и предложил перевести для нас некоторые документы и помочь с историей арабских лошадей на Ближнем Востоке. Перед уходом Джамал спросил, может ли он воспользоваться нашей ванной комнатой, чтобы совершить омовение для ежедневной молитвы и попросил лист газеты в качестве молитвенного коврика. Мы, разумеется, согласились, но поинтересовались, может быть, нам стоило дать что-то более подходящее, нежели газета. Мы и подумать не могли, что Джамал занимается призывом. Он не произнес ни единого комментария о том, что мы – немусульмане, и даже не упоминал о своей религии. Он просто представил личный пример, который был красноречивее любых слов.

В следующие 16 месяцев Джамал бывал у нас все чаще. Во время своих визитов он никогда не рассказывал о своей религии, никогда не спрашивал о моих убеждениях и никогда не призывал меня стать мусульманином. И все же, я узнавал многое. Передо мной всегда был пример Джамала, совершающего регулярные молитвы. Я видел его высокую нравственность, которая проявлялась как в работе, так и в общественной жизни. Я наблюдал его общение с собственными детьми. Для моей жены жена Джамала также была примером. Объясняя историю арабских лошадей на Ближнем Востоке, Джамал всегда упоминал что-нибудь из арабско-исламской истории, изречения пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, коранические аяты и их контекстуальное значение. Фактически, при каждой встрече по меньшей мере 30 минут проходили в обсуждении какого-нибудь аспекта Ислама. Но всякий раз это представлялось как дополнительные сведения, помощь в понимании связи Ислама с историей арабских скакунов. Я никогда не слышал от него «именно так обстоит дело». Он говорил только «мусульмане верят, что...». Поскольку мне не «проповедовали» и Джамал никогда не спрашивал о моих убеждениях, мне не приходилось предпринимать попыток защитить свою позицию. Все выглядело как некое ознакомление с чем-то новым, а не стремлением переманить в свою веру.

Постепенно Джамал стал знакомить нас с арабскими семьями: Ваиль, Халид со своими семьями и другие. Так я имел возможность наблюдать за людьми, чьи принципы, мораль так отличались от принципов американского общества. Возможно, в практике Ислама было нечто, чего я не постиг за годы учебы в колледже и семинарии.

К декабрю 1992-го я уже задавал себе серьезные вопросы о том, что я вообще делаю. Дело было вот в чем:

1) В течение предыдущих 16 месяцев наша социальная жизнь стала всё более и более сосредотачиваться на арабском компоненте местного мусульманского сообщества. К декабрю мы проводили уже около 75% своей общественной жизни с арабами-мусульманами.

2) Благодаря учебе в семинарии я знал, как сильно искажена Библия (зачастую мог точно сказать в каком месте, когда и зачем), не верил в триединого Бога и не считал Иисуса сыном божьим, милость ему и благословение Господа. Коротко говоря, веруя в Бога, я совершенно определенно был монотеистом. Совсем, как мои друзья-мусульмане.

3) Мои личные ценности и чувство нравственности больше сочетались с ценностями мусульман, нежели «христиан», окружавших меня. К тому же перед глазами был пример Джамала, Халида, Уаиля... Я не переставал чувствовать ностальгию по той религиозной общине, в которой вырос. Спустя годы я нашел свое утешение среди мусульман. Американское общество может быть нравственно обанкроченным, но это не касается мусульманского общества, с которым я был знаком. Браки здесь были крепки, супруги – преданы друг другу, честность, правдивость, ответственность, семейные ценности – почитаемы. Мы с женой пытались жить так же, но при этом было чувство какого-то морального вакуума. В мусульманском обществе дело обстояло иначе.

Разные нити сплелись воедино: арабские лошади, мое воспитание, ранняя активность в христианском духовенстве, учеба в семинарии, тоска по нравственному окружению, наконец, моя связь с мусульманами.

Мой критический самоанализ достиг своего пика, когда я поймал себя на мысли: в чем разница между моими убеждениями и верованиями

моих друзей-мусульман? Наверное, можно было бы поговорить об этом с Джамалом или Халидом, но я чувствовал себя готовым. Мы никогда с ними не обсуждали мои религиозные убеждения, и, пожалуй, мне не хотелось поднимать этот вопрос. Тогда я достал с полки все книги по Исламу, приобретенные за годы учебы. Как бы далек я ни был от позиции традиционной Церкви, как бы редко ни посещал церковь, я, все-таки, считал себя христианином, а потому начал с книг западных авторов. В тот декабрь я прочитал полдюжины книг об Исламе, включая биографию пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует. Далее я стал читать смысловые переводы Корана. Я никогда не рассказывал своим друзьям-мусульманам о книгах, которые я читал, никогда не упоминал, для чего я читаю такие книги. Однако порой я мог невзначай задать интересующий меня вопрос одному из них. Об этих книгах мы часто говорили с женой. К концу последней недели декабря 1992-го я был вынужден отметить, что не мог найти существенных отличий между собственными убеждениями и основными положениями Ислама. Далее, будучи готовым признать Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, пророком (человеком, вещающим от Бога), и не имея никаких сомнений, что не было ни единого истинного божества, кроме Бога, я все еще не мог принять твердого решения. Я мог с уверенностью признать, что имел больше общего с Исламом, каким я понял его тогда, чем с традиционным церковным христианством. Я прекрасно знал, что легко могу согласиться (имея семинарское образование) со всем, что сказано в Коране о христианстве, Библии, Иисусе, мир ему и благословение Господа.

Адрес этой статьи:

<https://www.islamreligion.com/ru/articles/76>

Copyright © 2006-2015 Все права защищены © 2006 - 2024 IslamReligion.com. Все права защищены